

Любовь Никонова

(1951-2012)

Её называли самой талантливой женщиной-поэтом Сибири, а её стихи – самыми возвышенными и тревожными.

В её литературном багаже более 20 поэтических сборников и множество прозаических произведений (повестей, рассказов, эссе, очерков).

Долгое время Любовь Алексеевна Никонова являлась руководителем Новокузнецкого городского литературного объединения «Гренада».

Известный педагог и популяризатор литературного наследия поэтессы Анатолий Семёнович Сазыкин назвал творчество Л. Никоновой поэзией «необычайной моральной силы и красоты» «с глубоким содержанием провинциальной жизни». В своих публичных лекциях он регулярно подчёркивает,

что эта поэзия во многом превосходит более известных современных поэтов «глубиной, истинностью, самобытностью поэтического таланта» и даром «в высшей степени скромного человека».

Любовь Никонова остаётся яркой звездой на литературном небосклоне Кузбасса. Она была глубоко духовным человеком, свет её души и сердечная доброта согревали всех, кто с ней когда-либо соприкасался.

Многие годы успешно сотрудничала с журналом «Огни Кузбасса», являлась членом редколлегии и постоянным автором этого издания. Произведения Л.А. Никоновой регулярно печатались на страницах альманаха «Кузнецкая крепость».

В начале 2019 года в литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского состоятся традиционные «Дни Любви Никоновой».
Тема встречи на этот раз – «С любовью о любви».

Памяти нашей землячки, чьё творчество ещё при жизни стало достоянием отечественной литературы, посвящаем очередную публикацию её стихов.

«Какой любви исполнена печаль...»

* * *

Какой любви исполнена печаль!
Случайный звук и дуновенье ветра
былую боль напомнят невзначай,
но эта боль теперь светлее света.
Не плакать, нет.

Не насмехаться, нет.
Но ощутить с первоначальной силой
тот вечер, первый, первый тот рассвет,
когда могла любить и быть любимой.

И даже запах старого пальто
таит в любой из сокровенных нитей
всё милое, всё грустное, всё то,
что остаётся от больших событий.
Как хорошо, что были рождены
и что живём и знаем, что мы жили,
что были удивительно нежны
и нежности с годами не изжили.

Люблю простое – травы, небеса –
не потому, что мне оно служило,
не потому, что радует глаза,
а потому, что это вечно живо,
что в этом есть

глубинный смысл любви,
который от себя не отпускает,
что девочка с балкона над людьми
игрушку на верёвочке спускает...

И чем заметней надо мною власть
твоя, зелёный маленький листочек,
тем ближе к жизни хочется припасть,
и жить, и жить, благословив источник.
И в памяти любимый человек
таким родным

и радостным предстанет,
что в сердце, очарованном навек,
ещё печальней и светлее станет.

Богослужение в кузбасском городке

Это в храме поют в экстремальном краю:
«Изведи из темницы душу мою...»

А в ответ –

с четырёх неизбывных сторон

Налегает лишь смог, этот чёрный «озон».

«Изведи из темницы...» – печалится хор.

Но в глубоком чаду утопает собор.

Сколько ж надо молить,

песнопений и слёз,

Чтобы облако смога чуть-чуть разошлось?

Между тем, светозарный,

нездешний на вид,

У подсвечника ясный ребёнок стоит...

И не ведает он окружающей тьмы,

От которой и в церкви не скроемся мы...

Но он знает движением детского сердца,

Что такое икона «Взыгранье Младенца».

Знает он,

развиваясь,

как вешний листочек,

Что такое икона «Живоносный Источник».

И, вкушая частицы церковного хлеба,

Знает сущность иконы

«Благодатное Небо».

Мы, покрытые угольной пылью,

глядим,

Как сияет он чистым обличем своим...

Слышишь, милый,

ты слышишь

в светлейшем раю:

«Изведи из темницы душу мою...»?

* * *

Как хорошую вешнюю веточку

С золотистым свеченьем в узоре,

Я пошлю тебе вербную веточку,

Освящённую в нашем соборе.

Там за службу сердце оттаяло,

Обливаясь теплом и слезами,

И великой трагической тайною

Переполнилось пред образами.

И с тобой моя веточка вербная

Пусть поделится тайной духовной,

Как любовь разгорается верная

И сливается с верой любовной.

БЕЗОТВЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

В траве земляничной –

как розовый ластик,

как нежный малёк,

как чудной головастик,

попалась пугливая ящерка мне...

Пульсируя, сжалась она на ладони...

Беги! Отпускаю... Не будет погони.

Как трудно друг друга понять на земле!

Пробившись сквозь космос,

сквозь жизнь и сквозь свет,

придёт твой ответ через тысячу лет.

Вернувшись бесстрашно,

играя с огнём,

кого ты застанешь на месте моём?

* * *

Смежая ночью утомленно веки,

картину дня в душе я берегу:

ты уезжаешь поездом навеки –

я вслед за этим поездом бегу.

Годами скорый поезд догоняю.

Влюбилась в эту участь и беду,

и ни на что её не променяю,

не отступлюсь, пока не упаду.

И не боюсь на полпути сорваться

и не достичь предела своего –

боюсь догнать,

боюсь в вагон ворваться:

а вдруг и нет в вагоне никого?

К загадке Тунгусского метеорита

Твой голос сердце разбудил.

Я ощутила напряженье,

Высвобожденье высших сил,

Пришедших в бурное движенье.

Но что ты знаешь про меня?

Как можешь ты влиять открыто

На взрыв душевного огня,

На яркий блеск метеорита?

«Что в имени тебе моём?»

Что – в чувственно-духовном сгустке,

Сгоревшем некогда живьём

Вблизи Подкаменной Тунгуски?

* * *

На победы твои, на блистание
то враждебно смотрю, то с мольбой...
Каждый раз для меня испытание
даже краткая встреча с тобой.

Трудно сладить с любовью безмерною,
быть спокойной в движеньях, в речах...
Стать бы песней без слов эфемерною –
и растаять в небесных лучах...

Надо ж было так сильно пораниться,
с болью свыкнуться так глубоко...
Стать бы вечною бедною странницей –
И уйти далеко-далеко...

Но привязанность давняя пламенно
управляет мою судьбой –
и готовлюсь опять, как к экзамену,
к новой встрече короткой с тобой.

* * *

Будем молоды! Будем вдвоём!
Сердце сердцу ответить сумеет,
Мир пронизан прозрачным огнём,
В нём горящая жизнь пламенеет.

Что творится в садах и дворцах!
Вижу блеск чьих-то символов кровных.
Это лебеди в брачных венцах,
Это лилии в царских коронах.

Не бояться стихий существа.
Их одежды – из радуг и молний.
Голоса их полны торжества
В общем строе природных симфоний.

Огневидные кубки с вином
Переносятся в царстве всемирном
Персонажами в чём-то цветном,
В чём-то газовом, лёгком, эфирном.

Это нам отдают небеса
Землю жизни, одетую светом.
И творятся для нас чудеса
В измеренье, любовью согретом.

* * *

Поётся лучшее всерьёз.
Играют чувства, будто вина.
На сцене буря красных роз
И белых хризантем лавина.

Ах, в этом голосе тоска
Смешалась с радостью безумной.

Быстрее минут летят века
Под звон гитары семиструнной.

Зелёное, как трын-трава,
Веселье плещется волною.
И плачут вечные слова:
«Не уходи, побудь со мною...»

И голос, золотом горя,
Азартно спорит с тьмой железной.
И невечерняя заря
Над сценой светит, как над бездной.

* * *

Мне бы Вас забавлять
жемчугами росинок,
иль игрой золотых тростников,
или тонким шитьём
ненаглядных травинок –
и не слышать ни дней, ни веков.

Мне бы с Вами сидеть
над наивным альбомом
или просто молчать у огня –
и ничто никогда
в этом мире огромном
не могло бы расстроить меня.

Проходили б столетия
или моменты.
Ну, а мы в неизменном раю
не делили бы вечную жизнь
на фрагменты,
не боялись признаться: «Люблю!»

В немерцающем свете,
в содружестве лилий,
растворяясь, как сахар в воде,
мы бы жили без горьких страстей
и усилий
м не знали о зле и вражде...

Вот приблизилась снова
минута свиданья...
Мы одни на родном берегу...
Но от счастья я плачу
слезами страданья
и блаженства вместить не могу.

* * *

Ты грубеешь и духом, и ликом.
Всё мрачнее твоя красота.
Тёмным пламенем,
чувственно-диким
напряжённо пылают уста.

Чем в опасных мирах промышляешь?
Что сбываешь
 почём и кому?
И зачем от себя отдаляешь
свет, готовый пролиться сквозь тьму?
Разве этим ты грезила в детстве?
И тобою владеют уже
только деньги,
 проклятые деньги,
что конец положили душе...

* * *

Тот яд любви неразделённой...
Тот кубок с ядом, весь зелёный,
обросший плесенью и мхом...
Я лучше расскажу потом...
Не тот семейный смысл добротный,
а смысл жестокий приворотный...
Я лучше расскажу потом...

О, участь быть всё время третьей,
знать подноготную трагедий!
Я лучше расскажу потом...
Потом – когда в конечном счёте
вся эта боль души и плоти
надежно порастёт быльём,
когда к мирскому благолепию
примкну я сердцем, будто степью
с травую скорбной – ковылём.

* * *

Я хожу по осколкам и камешкам
слишком острой и трудной любви.
А душа, будто облако, краешком
задевает владенья твои.

То прольётся дождинками мелкими,
то закатной полоской блеснёт,
то, как книга с чужими пометками,
чью-то мысль до тебя донесёт.

Не о прошлом рассказ, не о канувшем...
Просто сердце рождается вновь –
босиком пробегает по камешкам,
не боится пораниться в кровь...

* * *

Говоришь мне, что я —
 из блаженненьких.
Умягчённых слезами любви...
Есть надёжная маска для нежности:
Если любишь — блаженной слыви.

В этом облике бедной юродивой
Мне гореть, как свече восковой,

Пред иконою Спаса,
 пред Родиной,
На снегу иль во тьме роковой.

Под всесильной рукою Всевышнего
Быть мне струйкой живого огня.
Подойди! Я не сделаю лишнего.
Подойди...
 И не бойся меня.

* * *

Снегом дорожка к тебе запорошена.
Зная о том, улыбнусь:
Я для тебя никакое не прошлое –
Я непременно вернусь.

Нам не дано разлучиться, рассориться...
Но заалеет восток –
Время в пространстве весеннем
 раскроется,
Будто небесный цветок.

И лепестками духовной материи
Наших коснётся сердец.
Мы друг для друга совсем не потеряны –
Встретимся мы наконец...

* * *

Выходит день...
Я знаю, из чего он создаётся,
в небе расцветая.
Он – из любви!
Недаром на чело
к нему букашка шлёпнулась цветная.

Букашка эта знает суть всего
и льнёт к тому,
что от любви исходит,
что вместе крепко-накрепко свело
листву и ствол, волну и пароходик.

А ночью в гуще маленьких ветвей
большая ветвь скрипит, изнемогая,
в тени – темней,
а при луне – светлей
себя по воле ветра изгиба.

И в тьме ночной,
и в ясном свете дня
я всё могу,
 и в путь отправлюсь смело.
Преграды только вдохновят меня.
А если – смерть?..
Воскресну!
Не проблема...